

* * *

Пушкой поговорка права,
и молчание – золото,
но ярче сияет оно –
то, что было в Начале.
И я выбираю
не что-то из данных мне зол, а то,
что даст мне
оставить всё зло далеко за плечами.

И я отпускаю,
создав (для скольжения по небу)
мои облака –
то причудливые, то простые.
Дождями серебряных слов
я спасаю кого-нибудь
от жажды
среди золотого молчанья пустыни.

* * *

Меч – продолжение руки.
Уже давно разрублен узел:
пробившись, плавая ледники,
сквозь вековую толщу грусти –

я обновляюсь, как река.
Но хрупких лезвий ледохода
прозрачнее моя свобода
и невесомее – пока...

И, словно рукоять клинка,
её берёт легко и гордо
такая юная рука –

моя... Но дивно велики
и странны царские подарки:
меч – продолжение руки,
а руки так нежны и жарки...
И вновь завязывают Парки
на тонкой нитке узелки...

Париж

Да, знаю, ничто не стоит на месте.
По счастью, мне пока неизвестно:
по-прежнему ли Париж стóбит мессы,
мессия стоит тридцать монет?
Но, если выбора час настанет,
хватит ли сил устоять на грани,
себя не предать и других не ранить?
Хватит ли сил мне? Да или нет?

Раньше б ответила: «Да! Конечно!» –
раньше, на том, казавшемся вечным,
на бессемейном, бездетном, беспечном,
ныне покинутом берегу.
Но, переплыв на другой берег, вижу,
что для меня может стать Парижем,
ради которого душу выжгу
и от святынь отречься смогу.

Дай-то прожить, не предав невинных
и не сломавшись для «явок с повинной»,
не поддержав того, что противно,
и не поправ то, за что стоишь!
Но если кто-то другой отступает, –
хватит ли честности, не осуждая,
вспомнить, что и сама – не иная?
Что у любого есть свой Париж...

Стихия

Говорят, невозможно
 два раза войти в одну воду.
Но судьба привела тебя
 снова к её берегам.
И пускай ты не видишь
 стремнин и не ведаешь броду, –
ты войдёшь: ты так долго,
 так долго её избегал.

И теперь ты
 стоишь перед ней, полноводной и светлой,
отражающей небо,
 а может быть, синь твоих глаз.
И неважно, зовётся она
 Чёрной речкой ли, Летой, –
ты войдёшь в эту воду
 второй, неминуемый раз.

Пусть казалось:
 ты с твёрдой землёю смирился и свыкся,
но теперь ты
 стоишь перед ней – и ты знаешь ответ.
И неважно, зовётся река
 Рубиконом ли, Стиксом, –
ты войдёшь, даже зная:
 дороги назад больше нет.

* * *

Памяти А. Э. Лейфера

Мы свидимся ещё,
 мы улыбнёмся Вам,
когда уйдём к тем берегам иным,
 где Вы сейчас
 беседуете с тёзками –
с Вампиловым, Твардовским, Куприным,

где Вы сейчас
беседуете с равными –
нам славшими
слов ясные лучи...

А здесь –
кровоточащей свежей раны мы
не скоро боль саднящую смягчим.

Но ярче боли – свет:
недаром грела ведь
нас Ваша щедрость,
Ваша доброта.

Вы с нами,
Александр Эрахмиэлович:
есть то, что смерть не может отобрать.